

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова

ВЕЧНОЕ СВИДАНИЕ

7

Татьяна Полякова

И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?

137

Анна и Сергей Литвиновы

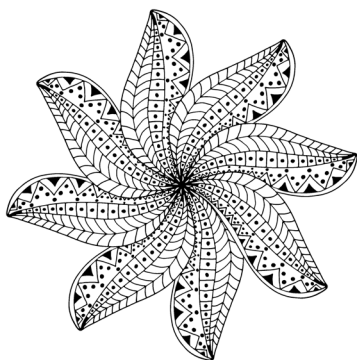
ИЗГНАНИЕ В РАЙ

337

Татьяна УСТИНОВА

Вечное свидание

Маруся распахнула обе створки окна, пристроила локти на подоконник и подпёрла руками щёки.

Хорошо!.. Лето хоть и закончилось почти, но всё равно солнышко припекает, пахнет укропом — судя по всему, тётя Лида собирается сегодня помидоры закатывать, — у соседей музыка играет, негромкая, мелодичная, где-то ветки жгут, дымком тянет.

На скамейке под окном стояла корзина с яблоками, сверху был пристроен пыльный кабачок. Маруся перевесилась из окна, громко засопела от неудобного положения, покопалась в корзине, выбрала яблоко получше. Угнездилась на подоконнике с ногами — романтическим образом, — подумала, с какой стороны приняться, и надкусила. Яблоко оказалось сочным, хрустким, сок потёк по подбородку. Такие яблоки бывают только в августе или в начале сентября. Ни ранние — мягкие, слабые, с рыхлой мякотью, ни поздние — крепкие, твёрдые, как будто суховатые, с этими, августовскими, не сравнятся!..

Маруся жевала яблоко и любовалась тётиным садом. Лидия Витальевна очень любила цветы, но сажала их не как все — на клумбах, — а прямо в траву. Получалось очень красиво!.. Зелёная лужайка, а посередине вдруг островок жёлтых роз, дальше георгины на высоких и твёрдых ногах, а за ними астры — краски, как на картинах импрессионистов, и ещё какие-то розовые цветы, которые тётя называла «разбитое сердце». Они и вправду были похожи на розовые сердечки. В университете, где Маруся преподавала французский язык, девчонки наклеивали на тетрадки точно такие сердечки, только непременно блестящие.

— Встала? — прокричала откуда-то тётя Лида. — Наконец-то! Умывайся, завтракай и выходи!.. Я укроп срезаю, сегодня будем помидоры закрывать.

Маруся вздохнула. Ей не хотелось закрывать помидоры.

Она со всех сторон оглядела остатки яблока, подумала и огрызок тоже сжевала. Во рту стало горько от коричневых блестящих косточек. Так вкусно бывает иногда съесть яблоко вместе с огрызком!

— Отец обещал приехать, — продолжала невидимая тётя. — Ты ему не звонила, будет он?..

— Звонила, — ответила Маруся себе под нос. — Он меня отчитал за то, что я не постирала шторы и теперь дома пылица! А я постирала. Просто у нас всегда пылица.

— Что ты там бормочешь?

— Ничего! — громко сказала Маруся в сторону кустов смородины. — Тётя, а Гриша встал?

— Гриша твой уже давно в Егорьевск уехал за досками.

— Никакой он не мой, — опять себе под нос пробормотала Маруся.

— А?! Громче говори, тут не слышно! Завёл мотоциклетку вую и уехал! Ты у нас одна здорова спать!

Гриша увязался в отпуск за ней, и теперь тётя то и дело попрекала Марусю!.. Гриша то, Гриша сё!.. Он такой деловой да хваткий, а тебе бы только в гамаке валяться! Маруся никак не могла взять в толк, что такое с Гришей случилось!.. Страстью к хозяйственным работам он вроде бы никогда не отличался, а тут вдруг отличился! На весь день находил себе занятия, Маруся его и не видела совсем! То он колодец чистит, то погреб проветривает, а сначала вытаскивает оттуда бочки и ящики, то вдруг взялся колотить загородку для компоста. Тётя Лида всё стенала, что у неё пропадает великолепное «натуральное» удобрение — картофельные очистки, огуречная ботва, гнилые помидоры, капустные листья, скошенная трава, труха, остающаяся после чистки грибов, и прочее, — а из всего этого вышел бы отличный перегной. Гриша выразил готовность сейчас же соорудить ящик для «отличного перегноя», и пожалуйста — укатил в Егорьевск!.. А до него неблизко, значит, приедет не скоро.

...Вот тебе и друг детства! Маруся-то надеялась, он специально поехал, чтобы она не скучала на даче, а он, оказывается, поехал, чтобы ящики колотить и грядки копать!..

Ещё она немного надеялась на... романтическую историю, пусть это и смешно: друг детства и романтическая история несовместимы решительно, но у неё *никогда не было* вовсе ника-

ких таких историй и хотелось хоть какую-нибудь малюсенькую, кособокую, хоть бы и с другом детства. Тем более что лучшая подруга Даша выходит замуж и прожужжала Марусе все уши, что, мол, пора, пора!..

Маруся и сама понимала, пора — двадцать четыре года, а дело ни с места, — но откуда же взять кавалеров, если нету их?! Нет, и всё тут! Те, что нравились Марусе, не обращали на неё никакого внимания. Те, которые время от времени предлагали ей свидания, были сомнительны и, с её точки зрения, никуда не годились, что уж говорить о папе!.. С его точки зрения, ни один кавалер не достоин Маруси, не родился ещё достойный. Отец мог вынести только Гришино присутствие в жизни дочери, да и то только потому, что Гриша был «порядочный» — инженер, аспирантуру окончил, денег никаких, зато благородная работа в научном институте. Кроме того, Гриша присутствовал в Марусиной жизни с рождения, и даже папа-ретроград понимал, что друг детства не опасен для дочки.

Маруся сердито вздохнула и затопала босыми пятками по чистым доскам пола. Решено было в отпуске ни о чём таком — неприятном или невозможном, например, о женихах или о том, чтоб зарплату прибавили, — не думать, но думалось то и дело!..

В тесной кухоньке, где готовили в основном зимой или когда надолго заряжали дожди, а в хорошую погоду только на улице, Маруся налила себе в пиалу простокваши, взяла горсть вишен из кастрюли, пересчитала отмытые до блеска трёхлитровые банки — их оказалось двадцать семь, — сразу соскучилась, вышла в сад и уселась на лавочку. Съела вишню, выплюнула косточку и пересела в качалку, так, чтобы видеть лес за штaketником.

Когда делили участки и тянули жребий, дедушке достался самый плохой — у кромки леса, и бабушка потом долго убивалась, зачем она сорок лет назад вышла за дедушку замуж, если он такой неприспособленный, даже участок нормальный не может обеспечить! Прошли годы, и оказалось, что их участок — самый лучший, самый прекрасный. Двумя сторонами участок глядел в лес, сразу за забором начинались берёзы, высокая трава, в которой качались жёлто-фиолетовые соцветия иван-да-марьи, попадалась земляника, и с июня начинались белые грибы, по одному-два, но набрать на суп, самый первый, самый вкусный, можно было всегда. За берёзами невысокая горюшка, на которой стояла деревня, сваливалась в лес, и тропинка выбегала к речке

Северке, очень быстрой и даже в июле совершенно ледяной. Гриша каждое утро бегал купаться, а Маруся ленилась и за пять дней ещё ни разу не сходила.

Маруся ела простоквашу и вишни, смотрела, как качаются берёзы, слушала, как они шумят — с едва уловимым металлическим брюзжанием, — думала, что вот и кончилось лето!.. А она и не заметила. Тёплые дни наверняка последние, и эта вишня тоже последняя, поздняя, следующей ждать и ждать целую осень, зиму и весну ждать.

...Всё время приходится чего-то ждать: следующего лета, прибавки к зарплате, большой любви. Всё время получается, что самое настоящее впереди, а нынешнее — так, ожидание, бессмысленное, как сидение в очереди. Всё время получается так, что, когда будущее становится настоящим, оно оборачивается ненастоящим, и нужно снова сидеть и ждать — Нового года, интересной работы, большой любви...

Маруся нахмурилась. Решено было в отпуске ни о чём таком не думать, а думалось всё время, и отпуск вот-вот кончится, а она ещё ни разу не сходила на речку!..

За углом дома заговорили громко, раздражённо, и Маруся поняла, что явился Валерик, сосед, с которым тётя то и дело ссорилась. С Валериком постоянно ссорилась вся деревня.

...Когда-то эти участки были деревней, потом из неё все уехали — кто в Москву, кто в Егорьевск и Воскресенск, — а землю раздали дачникам. Марусе нравилось, что у них дача в деревне, а не в садовом кооперативе посреди чистого поля!..

— А я тебе сказал, снимай! — кричали из-за угла. — Или я сам кран вызову, они живо открутят!

— Да угомонишься ты когда-нибудь или нет?! — возражала Лидия Витальевна тоже очень активно. — Сколько раз сказано, я плачу! Плачу я за свет!.. И за этот тоже!..

Маруся поставила пиалу в траву, поднялась и пошла спасать тётю от нашествия татарского ига.

У забора тётя Лида в бейсболке, мятой майке и обрезанных по колено джинсах потрясала укропным венником перед носом плотного моложавого мужика, грудью налегавшего на штакетник. Казалось, ещё чуть-чуть, и под его весом забор завалится. Мужик пылал от негодования и был красен как рак.

Саня, деревенский оболтус, слезши с велосипеда, наблюдал с той стороны улицы, но не приближался.

— Я ещё когда говорил, чтобы ты эту фиговину свою отвинтила! — наддавал Валерик.

— Да иди ты к чёрту, — энергично отвечала тётя Лида, — у меня без фонаря на участке темень хоть глаза выколи!

— А мне плевать, чего у тебя на участке. — Мужик ещё сильнее навалился на забор. — Я за твой фонарь должен платить?! Я?!

— Тётя! — окликнула Маруся негромко. Лидия Витальевна оглянулась и махнула на неё рукой — уходи, мол, не встревай — и продолжала перепалку:

— Да ты глаза-то свои разуй, посмотри, куда кабель идёт! В дом он идёт, вон изоляторы белые! К счётчику идёт! Не ворую я электричество!..

— А откуда я знаю! Может, он фальшивый!

— Кто фальшивый?!

— Кабель этот твой! Может, он для виду сделан, а не настоящему!

— Да ты с ума, что ль, сошёл совсем?! Фальшивый! Зайди и посмотри!

— Не стану я смотреть! А фонарь твой завтра скручу и вон в овраг кину! Так и знай!

— Да я на тебя заявление напишу за хулиганство!

— А это пожалуйста! Это сколько угодно! На меня кто только не писал, а теперь они все знаешь где, знаешь?! Вот тебе, а не заявление! — гаркнул Валерик и сунул тёте Лиде под нос здоровенную фигу. — Карга старая, курица драная! Мозга нету, а туда же, заявление она напишет! Климакс у тебя? Таблетки принимай, а то в одном месте свербит небось!..

Тётя размахнулась — Маруся взвизгнула и кинулась к ней — и хлестанула Валерика укропным венником, сначала справа налево, а потом слева направо. Сухой укропный зонт зацепился за Валеркино ухо и повис, семечки обсыпали его потную физиономию, он взвыл, кинулся на забор и схватил Лидию за волосы.

Маруся подскочила и стала толкать его в плечи. Валерик не сдавался, Лида молча боролась, а племянница вопила:

— Отстань от неё!! Отстань сейчас же! Уходи! Пошёл вон!..

На дороге неожиданно громко засигналила машина, Валерик выпустил тётю Лиду, Маруся сильно его толкнула, он сделал шаг назад и неловко сел в куст шиповника.

Машина проехала мимо.

— Звони участковому, — велела Марусе тётя, тяжело дыша. — Хулиганство и разбой! Звони немедленно!

Маруся выхватила из кармана телефон и стала в него тыкать. Она так перепугалась, что руки тряслись.

— Ну, ты попомнишь, — пригрозил Валерик и выбрался из куста. — Ты у меня, Лидка, в ногах валяться будешь! Сожгу! — заорал он уже с дороги. — Спалю, к чёртовой матери!..

— Давай, давай отсюда! Негодяй, подонок, — пробормотала Лидия Витальевна, подхватила с травы бейсболку, нахлобучила и сморщилась: — Должно быть, полголовы волос выдрал, придурок!..

— Тётя, я не знаю, как звонить участковому, — спохватилась Маруся.

— Да не надо никому звонить, — сказала Лида, морщась. — Он сейчас проорался, теперь недели на три отстанет. Ах, паразит!..

— Да, но так нельзя, он же на тебя... напал!

— Да ничего он не напал, подумаешь, за волосы схватил! Что он может, участковый? Беседу провести? Не станет он никаких бесед проводить, у него других дел навалом! Вон на переезде таксисты с маршруточниками подрались, и все как один эти... гости с юга!.. Где участковому наши дразги разбирать...

Тётя Лида оглядела свой веник, сняла с забора застрявший пучок укропа, вздохнула и покачала головой:

— Такой характер поганый, — сказала она задумчиво. — Ни-кому житья не даёт! Фонарь наш ему мешает, электричество мы воруем, видите ли! Как же! Всё через счётчик идёт, а ему неймётся, паразиту!.. Пацанов с поля разогнал, они там в футбол всё лето гоняли, нет, втемяшилось ему, что шумят очень и пыль от них!.. Да ладно бы просто разогнал, так он с ворот сетку срезал! А сетку Прокопенко на свои деньги покупал, он мужик серьёзный, не то что Валерик, пустобрёх!..

— Да кто он такой, Валерик этот?

— А шут его знает. Они и не ездят сюда почти. А как приедут, так сразу свары у нас начинаются. Жена-то только на выходные бывает, а он тут торчит, всех жизни учит!.. Шлагбаум какой-то собирается ставить, чтоб по дороге проезда не было, мол, мимо его участка все машины идут, выхлопные газы, для здоровья вредно. Нет, ты можешь себе представить?! Из Москвы приезжает, и здесь ему — газы! И сидел бы себе в Москве, там небось никаких газов нету!..

— У тебя с той стороны волосы вырваны!.. — ужаснулась Маруся.

Лида потрогала голову и опять сморщилась — больно.

— А может, и напишу заявление, — вдруг вспыхнула она. — До чего дошло, рукоприкладство, да ещё оскорбления!

Маруся негодовала изо всех сил, сочувствовала тёте и очень убедительно говорила, что нужно непременно обратиться в полицию, так это нельзя оставить. Попутно она сердилась на Гришу, который уехал и не знает, что на них тут напали.

Хотя... с другой стороны... если вдуматься... Гриша вряд ли смог бы помочь. Он человек мирный, интеллигентный, в очках. Несколько трусоват. Ну, стоял бы рядом и повторял: «Прекратите безобразие!» И она, Маруся, в нём бы окончательно разочаровалась. Пока ещё не окончательно, в смысле, компостного ящика вместо романтических прогулок, а после сцены с Валериком наверняка разочаровалась бы по-настоящему.

Конечно, он очень помог ей, когда она решала головоломную задачу, связанную со странной смертью странного человека в планетарии — этот человек умер почти у неё на глазах, — но впоследствии все её ожидания и надежды потерпели крах. Гриша, уже почти было ставший её героем, как-то сдулся, вроде резинового тигра Васьки, с которым они в детстве плавали в Северке, и сколько его ни клеивали, он всё равно сдувался моментально. А Марусе очень хотелось... героя. Не придуманного, не слепленного из разных — хорош, как артист, умён, как писатель, шутилив, как телевизионный ведущий, — а подлинного, натурального, чтобы всё в одном, и этим одним-единственным чтобы можно было гордиться!..

Подавая тёте Лиде длинненькие крепенькие помидорчики, которые та сосредоточенно упихивала в блестящую банку, Маруся громко вздыхала — специально громко, чтобы тётя спросила, о чём она вздыхает.

Лида долго не спрашивала.

Рассол перекипал в большой кастрюле, пахло уксусом, укропом, смородиновым листом. Уже готовые закатанные банки стояли вверх дном вдоль стены, и ещё пустые громоздились на столе под чистым полотенцем, а Маруся всё вздыхала.

— Ты не огорчайся, — в конце концов сказала тётя Лида. — Я понимаю, Валерик кому хочешь настроение испортит! Ты, главное, не бойся его. Станет приставать, сразу мне скажи или Грише своему.